

Хотя у Цю Ибо и Бо'Эра уже были предположения насчёт «бессмертной» Инюэ, когда перед ними действительно предстали два здоровенных мужика, образ белоснежной феи с пипой, тихо напевающей под луной, окончательно развеялся.

Иногда в жизни лучше не знать правду – так спокойнее.

Бо'Эр даже не поднял головы:

- Два почтенных старца, кажется, ошиблись дверью.

- Какой ещё «ошиблись»?! – взревел один из великанов, указывая на Цю Ибо. – Вы хоть представляете, сколько мозолей у меня на ногах из-за вас?! Стоило ли так издеваться? Мы всего лишь попросили вас немного поучаствовать!

- А у меня голос сорван! – хрипло поддержал второй.

Он использовал фальцет, что особенно напрягало связки. Пропев с полуночи до рассвета, он еле мог разговаривать.

Цю Ибо ловким движением перевернул чайный столик, заменив разбитый чайник на новый. Прозрачная вода закипела, листья завертелись в ней, а после щелчка пальцев в маленькой глиняной печке вспыхнуло золотое пламя. В мгновение ока воздух наполнился тонким ароматом чая.

Среди ветвей раздалось щебетание птиц, и на ветку прыгнул пухленький белоснежный птенец. Он склонил голову набок, будто спрашивая, чем это они заняты. Заметив его краем глаза, Цю Ибо рассыпал горсть семечек. Птенец мгновенно спрятался, но, не дождавшись продолжения, снова высунулся и принялся клевать добычу.

- Так зачем же почтенные старцы почтили нас своим ночным визитом? – Цю Ибо был в прекрасном настроении. Эти двое помогли им прорваться через границу уровня, и мысль о том, что два пика Золотого Ядра всю ночь пели и плясали по их вине, вызвала у него лёгкое чувство вины.

- Мы... – Великаны запнулись, не зная, что сказать.

После ухода компании Цю Ибо они валились с ног за кулисами. Даже вола так не запрягают! В пылу гнева они вломились сюда, чтобы проучить наглецов. Но, сломав один столик, они уже немного остыли, а взглянув на лица Цю Ибо и Бо'Эра... Нет, бить таких – грех!

Бо'Эр тоже улыбнулся, отложив книгу:

- У нас есть чай для горла. Раз уж судьба свела нас, не откажитесь выпить с нами, если не брезгуете.

Великаны переглянулись и согласились.

Цю Ибо поставил новый чайник и уже собирался добавить трав для голоса, но «бессмертная» Инюэ махнул рукой и вытащил из кольца мешочек с травами.

- Спасибо, – прохрипел он. – У нас своё, чай не любим.

Цю Ибо кивнул и поставил на стол несколько видов сладостей.

Запах чая донёлся до носа – это были семена стеркулии, хризантемы и немного мяты.

Гости не церемонились, сразу взяв то, что понравилось.

- Ладно, мы погорячились, – сказал один. – Вы заплатили, и вообще... Два... э-э-э... товарища, сделайте мне, Фухуа, одолжение – не жалуйтесь управляющему. В следующий раз в «Башне Весеннего Ветра» дам вам скидку 20%!

Услышав имя «Фухуа», Цю Ибо и Бо'Эр поперхнулись.

- Смейтесь, – великодушно разрешил Фухуа. – Меня зовут Фухуа, его – Инюэ. В секте Хэхуань такие правила.

Бо'Эр и Цю Ибо, не сдерживаясь, отвернулись и рассмеялись.

На лицах гостей мелькнула усталая покорность.

- Простите, почтенные старцы, – сквозь смех проговорил Бо'Эр. – Но это же пустяки, не стоит переживать.

Фухуа вытер рот, не оставив и следа от нежной соблазнительницы со сцены:

- Ну и ладно.

Инюэ поднял чашку, словно тост.

Они быстро расправились с пирожками, и Фухуа буркнул:

- Чёрт возьми, как вы там говорили... «розовые пирожки»? Раззадорили! Вкусно, конечно, но лучше бы на свином жиру. Эти цветочные ароматы – сплошная приторность!

Цю Ибо и Бо'Эр, выросшие на южной кухне, не видели в этом ничего странного, но спорить о вкусах не стали. Вместо этого они достали коробку с едой из «Башни Водной Поэзии». Появление мяса и рыбы вызвало одобрение:

- Вот это дело!

Сытый – значит, добрый. Разговор пошёл живее, и Цю Ибо поинтересовался:

- Почтенный Фухуа, вы упомянули какой-то «экзамен». Что это?

Лицо Фухуа потемнело, и он грохнул ладонью по столу. Цю Ибо уже подумал, что затронул запретную тему, но тот рявкнул:

- Мы выпили, значит, теперь почти братья! Братан, слушай старшего – как бы секта Хэхуань ни расхваливала себя, даже не думай вступать!

- Вы такие симпатичные, лучше поскорее найдите себе наставника, а то ещё завербуют!

Бо'Эр и Цю Ибо хором ответили:

- У нас уже есть наставники... А как вы сами попали в Хэхуань?

- Ну и хорошо! – Фухуа осушил чашку, будто это была стопка крепкого вина. – Чёрт его знает!

Я думал, Хэхуань практикует путь инь-ян, и в будущем... А после вступления нам всем дали сценические имена и заставили учиться, как обычных последователей. Мы решили, что это мы извращенцы, а секта-то приличная... Но нет!

Цю Ибо и Бо'Эр сгорали от любопытства.

Инюэ продолжил:

- Когда мы достигли Основы и отправились на испытания, нас определили сюда. Старшие десять лет учили нас петь, танцевать и... искусству спальни. Потом сказали, что нужно освоить методику секты до уровня «очарования»... - Он запнулся, видимо, это было что-то из закрытых знаний. - В общем, это ещё куда ни шло, раз уж мы здесь. Но самое мерзкое - чтобы нас отпустили свободно странствовать, нужно сдать экзамен старшим!

- Нам реально не повезло... Братья, взгляните на нас! Мы от рождения такие, что поделать? Пришлось учиться гриму, а если плохо наложишь - штрафные баллы, если на сцене не очаровал гостя - штрафные, если жалоба - штрафные... Вечно что-нибудь придумают! Хоть не заставляют спать с клиентами, но мы уже Золотые Ядра! Сколько это ещё продлится?!

Теперь Цю Ибо и Бо'Эр поняли: «Башня Весеннего Ветра» была чем-то вроде Академии Ханьшань. Только в Линсяо сначала учат и воспитывают характер, а в Хэхуань - наоборот, после Основы.

Они еле сдерживали смех. Бедолаги вступили в Хэхуань, думая, что там занимаются «тем самым», а теперь, чтобы выпуститься, должны стать куртизанками...

Бо'Эр, подавляя улыбку, утешил:

- Скоро закончится. Вы талантливы, наверняка скоро сдадите.

Инюэ вздохнул:

- Я уже девять лет пою! Кругом с морщинюсь, как старый персик!

Фухуа тоже вздохнул:

- Я десять лет танцую... Эх, если бы двадцать лет назад кто-то сказал, что я буду выписывать пируэты, я бы ему мозги вышиб!

- Если бы мне сказали, что я буду петь лучше, чем говорить, я бы тоже побил.

Они синхронно вздохнули, и сквозь их бороды пробивалась безысходность.

Бо'Эр и Цю Ибо так сжимали бёдра, чтобы не рассмеяться, что уже появились синяки.

Бедные, бедные люди.

И как они могли так издеваться, заставляя их петь и плясать за деньги!

Цю Ибо кашлянул и подлил чаю:

- Пейте, пейте!

Фухуа и Инюэ, как и раньше, осушили чашки залпом.

- Поговорили с вами - и на душе легче, - сказал Инюэ. - Вы вроде слушали внимательно, не похоже, что пришли задираться. Раз уж вам понравилось, мы должны вас угостить!

- Не стоит! - Действительно, если от песен растёт уровень, они готовы слушать их сутками.

Зачем они терпели побои от отцов в горах? Чтобы стать сильнее!

И вот ирония: в горах уровень не рос, зато росла сила. А спустились в город, расслабились, пошли в публичный дом - и уровень поднялся!

Это было настолько абсурдно, что даже абсурд бы обалдел.

- Держите. - Фухуа достал два артефакта. - Ничего особенного, но если будете шататься по подобным местам, это убережёт вас от мошенников... Вы, я вижу, смелые, и молодые. Вряд ли вы послушаетесь, если я скажу не ходить.

Цю Ибо и Бо'Эр с благодарностью приняли подарки. Ведь они точно вернутся - еда в «Башне Водной Поэзии» слишком хороша.

Инюэ спросил:

- А когда мы вломились, вы не испугались? Как это вас не сдвинуло с места?

- Не особо, - улыбнулся Бо'Эр, кивнув в сторону комнаты. - Мы сегодня с наставниками.

Наверное, старшие заметили гостей сразу. А почему не вышли... Бо'Эр подумал, что его отец - настоящий коварный тип. Скорее всего, он хотел преподать им урок, позволив получить взбучку, а потом героически явиться и прочитать лекцию о жестокости мира и важности силы, чтобы они больше не сбегали с гор.

Вряд ли он ожидал, что пришедшие окажутся безобидными и даже присоединятся к трапезе.

Цю Линьхуай, стоя в комнате, встретился взглядом с Цю Ибо. Через занавеску он знал - сын его видит.

- ...Ах ты, пройдоха... - Он усмехнулся, но не ушёл, прислонившись к двери и прислушиваясь.

Хотя он знал, что у этих двоих хватает артефактов, он не мог просто так оставить их наедине с двумя пиками Золотого Ядра.

...Им всего лишь чуть за двадцать, они ещё молоды. Впереди долгий путь.